

³⁷ Великий князь Александр Михайлович... С. 265—267.

³⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. С. 16.

³⁹ Из глубины... С. 50—51.

Т. П. Нестерова

Итальянские интеллектуалы и фашизм

Личность и творчество любого интеллектуала XX в. неразрывно связаны с вызовами и катастрофами этого, по выражению Эрика Хобсбаума, «короткого века». XX в. стал эпохой развития демократических тенденций в жизни европейцев, в политике, в культуре, и в то же время стал эпохой «тоталитарного искушения», временем сложного переплетения либеральных и антилиберальных, тоталитарных и антитоталитарных, демократических и антидемократических идей и тенденций. Многие мыслители пытались найти ответ на вопрос, что же такое — XX в. Возможно, наиболее точно сформулировал ответ итальянский историк Франко Вентури: «Историки не могут ответить на этот вопрос. Для меня XX век — это только вечно повторяющаяся попытка понять это»¹.

Вопрос о взаимоотношениях интеллектуалов с политическим режимом, особенно режимом авторитарного или тоталитарного типа, ограничивающего проявление свободы выражения мысли, является предметом дискурса, рассматривающего интеллектуалов в их конкретном историческом окружении. XX в. стал эпохой, когда подобное взаимодействие проявлялось в разнообразных формах и аспектах. Модернизация европейского социума привела к трансформации традиционных общественных страт, обеспечивавших «естественность» существования интеллектуалов в домодернистскую эпоху. На вызовы модернизации XX в. попытался найти не только демократические, но и тоталитарные ответы. Новая эпоха потребовала от интеллектуалов действия в непривычной для них обстановке — в условиях формирующегося массового общества.

«Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый — это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй — это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности». «Наступающая эпоха будет поистине эрой масс», — писал в конце XIX в. в книге «Психология толп» Гюстав Ле Бон².

Великая французская революция стала толчком для развития массового общества и массовизма как явления. XIX в. можно рассматривать как время формирования масс.

Характерной чертой периода модернизации — перехода от традиционного к современному обществу — стал своеобразный синдром «бегства от свободы», выявленный Эрихом Фроммом. Одним из его проявлений стало возникновение тоталитарных движений — «массовых организаций атомизированных, изолированных индивидов»³.

Хосе Ортега-и-Гассет вводит понятие «человека-массы», среднего человека, который чувствует себя «как все» и не переживает из-за этого: «Масса — это всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, ощущает себя таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью»⁴. Элита — те, кто требует от себя многого и сам на себя взваливает тяготы и обязательства. Масса — это те, «кто не требует ничего, и для кого жить — это плыть по течению, оставаясь таким, каков ни на есть, и не силясь перерасти себя». «Массы — это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров, поэтому массовый человек не созидает, даже если возможности его и велики»⁵. «Рождение любой формы коллективной жизни всегда совпадало с появлением на свет нового человеческого типа. И напротив, закат какой-либо из этих форм всегда сопровождается исчезновением определенного типа людей. Мы существуем в эпоху массовых обществ и человека-массы»⁶.

«В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. “Весь мир”, как это часто принято говорить, никак

не может быть умнее Вольтера, а, наоборот, Вольтер умнее, нежели “весь мир”, если под этим словом надо понимать толпу»⁷. «*Senatores omnes boni viri, Senatus Romanus mala bestia*» — «Все сенаторы — достойные мужи, Римский сенат — скверное животное»⁸.

Стихийно массы стремятся не к демократии, а к деспотизму. Массы наделяют своих вождей мессианской ролью. Авторитет вождя, имеющий культовый характер, позволяет ему манипулировать массами. Вождь формирует массу, сплачивает ее в движение, придает этому движению энергию, направленность, цель.

«Фашизм проявился на итальянской почве, и теперь видно, что он выражает глубокие пороки, скрытые слабости, несчастья всего нашего народа. Не следует верить, что Муссолини одержал победу благодаря лишь грубой силе. Грубая сила сама по себе никогда не побеждала. Он одержал победу потому, что безошибочно нащупал те точки, где средняя психология итальянцев оказалась особенно чувствительной. Фашизм в некотором роде стал автобиографией нации», — писал в книге «Либеральный социализм» Карло Росселли⁹. Появление фашистского режима автор объяснял духовным состоянием общества, экономическими и социально-политическими факторами, проявившимися в конкретной исторической ситуации. Феномен фашизма, по мнению К. Росселли, был связан с проблемой сознания, которую он считал чрезвычайно важной для Италии. Исследователь полагал, что либеральное здание итальянского государства было разрушено фашистским режимом. Отталкиваясь от идей Джузеппе Мадзини, К. Росселли пришел к убеждению, что фатальной неизбежностью истории становится «завоевание сознания». «Борьба против фашизма... является борьбой против определенного типа мышления», — считал К. Росселли¹⁰. Наиболее важной для Италии проблемой К. Росселли считал проблему свободы, «духовной автономии», освобождения сознания.

Однако итальянские интеллектуалы в большинстве своем не были «духовно автономны»: они активнейшим образом занимались политикой. В политической жизни участвовали и писатели Габриеле Д'Аннунцио и Филиппо Томмазо Маринетти,

основоположник футуризма и один из создателей первой фашистской программы — «манифеста Сан-Сеполькро» (1919), и философ Джованни Джентиле.

Футуристическое движение в Италии вообще осуществило трансформацию из чисто художественного явления в политическую партию. Политическая партия футуристов подчеркивала свой антимонархизм, приверженность республиканским идеалам и необходимость перехода власти от «стариков» к 30—40-летним людям¹¹. Кроме того, отмечал Ф. Маринетти, только люди искусства, обладающие священным огнем своей гениальной интуиции, способны обновить нацию и подготовить ее к жизни в «футуристическую эпоху»¹². Идеалом общества для футуристов стала «футуристическая демократия» — анархическая и индивидуалистическая демократия «героических граждан» («i cittadini eroici»), единственных, кто способен вести и направлять массы к Будущему¹³.

Приход фашистов к власти футуристы воспринимали во многом как итальянскую национальную революцию, как рывок Италии в будущее. В то же время для футуристов разрыв с традицией, отбрасывание прошлого в первую очередь затрагивали непосредственное прошлое, «буржуазную эпоху», а не великую эпоху Древнего Рима. Поэтому не случайно в мае 1923 г. в ведущем органе итальянских футуристов — журнале «Il Futurismo» — было опубликовано послание Ф. Маринетти к «Бенито Муссолини — главе Новой Италии» под общим названием «Итальянская Империя». В этом послании Ф. Маринетти подчеркнул ряд «важнейших идей нового века», среди которых, в частности, была и такая: «Мы провозглашаем, что слово *Италия* должно доминировать над словом *Свобода*. Мы провозглашаем, что римское величие гигантскими шагами возвращается в итальянском величии. Италия сегодня для нас имеет форму и мощность прекрасного дредноута, возглавляющего эскадру островов-миноносцев. Мы с гордостью ощущаем воинственный душевный пыл всей нашей страны, возглавляемой итальянским Правительством... до гигантских размеров увеличивший все национальные амбиции... и провозгласивший рождение Панитальянизма»¹⁴.

В одном ряду с футуристами в отношении к раннему фашизму стоят сторонники Габриеле Д'Аннунцио. Писатель пользовался громадной популярностью в некоторых слоях итальянского населения, в том числе и в фашистской партии. Популярность Г. Д'Аннунцио возросла после «фиуманской авантюры» — захвата его отрядом города Фиуме 12 сентября 1919 г. с целью присоединения этого города к Италии. Натолкнувшись на международное сопротивление этой идее, Г. Д'Аннунцио предпринял попытку реализовать в Фиуме собственные политические идеалы, разработав «Конституционную хартию Карнаро (Фиуме)». Этот документ, своеобразный синтез законодательства и художественного произведения, отражал идею воплощения гармоничного общества в гармоничном государстве. Идеи «Конституции Карнаро» частично отразились впоследствии в корпоративном законодательстве фашистского государства. Не случайно в начале 1920-х гг. даже в рядах фашистской партии существовало мнение, что действительным вождем фашизма должен быть Г. Д'Аннунцио, а не Б. Муссолини.

Особое место среди интеллектуальной элиты фашистского периода занимает Джованни Джентиле, философ и государственный деятель, министр, организатор реформы образования и создатель Национального фашистского института культуры. «Фашизм, как всякое духовное движение, обладает своей философией», — подчеркивал Д. Джентиле. Джованни Джентиле возглавил движение части итальянских интеллектуалов в поддержку фашизма. 29—30 марта 1925 г. в Болонье состоялся конгресс фашистской интеллигенции, на котором был принят известный «Манифест фашистской интеллигенции» (опубликован 21 апреля 1925 г.). В «Манифесте» подчеркивалась преемственность фашизма по отношению к идеям итальянского Рисорджименто, прежде всего по отношению к идеям Джузеппе Мадзини, провозглашался принципиальный антилиберализм фашистского государства, указывалось на религиозный характер фашистской идеологии (что, в свою очередь, могло противопоставить фашизм католицизму). Позднее Д. Джентиле стал одним из авторов «Доктрины фашизма» (1929) — основного документа, излагающего идеологию фашизма. Д. Джентиле

в этой работе подчеркивал «антиинтеллектуализм» фашизма, но отмечал, что фашизм выступает лишь против тех интеллектуалов, которые мыслят абстрактно, не подчиняя мысль конкретным требованиям реальности¹⁵.

1 мая 1925 г. в газете «Мондо» был опубликован «Ответ итальянских писателей, профессоров и публицистов на манифест фашистской интеллигенции» (или, как его тогда называли, «контрманифест»). Автором этого документа стал философ Бенедетто Кроче, который к этому времени возглавил либеральную оппозицию фашистскому режиму (первоначально он поддержал правительство Б. Муссолини, но позднее его взгляды на фашизм изменились). «Контрманифест» Б. Кроче был очень осторожным и умеренным документом, провозглашавшим отказ от смешивания политики, литературы и науки, но и столь корректный протест против вторжения государства в интеллектуальную сферу вызвал недовольство фашистских властей.

Значительно более жесткой критике подверг «Манифест фашистской интеллигенции» публицист Пьеро Гобетти, издатель еженедельника «Либеральная революция». Позиция П. Гобетти отражала мнение той части итальянских интеллектуалов, для которых фашизм был полностью неприемлемым явлением.

Категорически против тоталитарного режима выступал видный итальянский интеллектуал, теоретик-марксист Антонио Грамши. В «Тюремных тетрадах» он не только отвергал итальянский фашистский тоталитаризм, но и подметил тенденцию к тоталитаризму, существовавшую в СССР, отмечая, что в СССР власть не опирается на согласие с обществом, а господствует над ним¹⁶.

Итальянский писатель Джузеппе Преццолини, покинувший в 1925 г. Италию и поселившийся в Париже, а позднее — в США, подчеркивал антиинтеллектуализм фашизма, отмечая, что «в определенное время интеллектуалы вынуждены отступать перед вторжением силы, чувственности, инстинктов и воображения». Отвечая на статью Д. Преццолини, фашистский автор Ферранте Адзали писал: «Необходимо увидеть разницу между истинной интеллектуальностью и ее деформациями в виде сухого и педантичного интеллектуализма, который склонен

выносить приговор, не вникая в сущность вещей, делать выводы, основанные на заранее принятых положениях, вне зависимости от действительности... Перед нами своего рода интеллектуальный конформизм, которым прикрываются многие, желающие скрыть пустоту собственных идей или мыслей. В этом смысле мы — антиинтеллектуалы»¹⁷.

Принципиальный антиинтеллектуализм фашизма провозглашался именно интеллектуалами, он означал прежде всего противопоставление фашизма предшествующей интеллектуальной традиции. В этом смысле антиинтеллектуализм был равнозначен антилиберализму. Со своей стороны, сторонники фашизма, провозгласившие среди прочего идею «анти-Европы» (под таким названием выходил даже один из официальных журналов фашистской партии), отрицали именно либеральную Европу, европейскую либеральную и демократическую традицию. Точно так же провозглашенное Б. Муссолини отрицание демократии означало лишь отказ от демократии либеральной, традиционной европейской демократии представительного типа: фашистские идеологи противопоставляли «плутократическую демократию» подлинному изъявлению воли народа. Фашизм рассматривался как революция, перестройка итальянского общества на новой основе. «Революция — это идея, которая нашла штыки для своей защиты», — подчеркивал в своем выступлении перед студентами Фашистского института культуры в Пизе один из лидеров фашизма Джузеппе Боттаи¹⁸. Ферранте Адзали писал, что «интеллектуалы есть и всегда будут заметной силой во всех истинных революциях, и эта сила является двигателем духовного развития нации», призывая интеллектуалов Италии отказаться от «интеллигентского конформизма» и поддержать «здоровые силы нации»¹⁹. «Мы изгоним простых архивистов и коллекционеров знаний как таковых, тех, кто не желает использовать их для пользы итальянского народа», — отмечал фашистский публицист А. Джинелли²⁰.

Антидемократические силы Европы XX в., как правило, не отвергали демократию как таковую. Многие из них подчеркивали собственную демократичность. Отвергая демократию представительную, либеральную, или, как они формулировали,

неорганическую, последовательные антидемократы, идеологи консервативной революции — португальские интегралисты, сторонники «Французского действия» Шарля де Моррасса и др., в том числе и фашисты Италии, — противопоставляли демократию органическую, или прямую.

«Смысл “органической демократии”, — по определению Алена де Бенуа, одного из ведущих теоретиков «консервативной революции», — состоит в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет народ как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и политическую традицию, которая ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжалостный механизм, но как живой организм, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть»²¹.

Но для реализации этого типа демократии необходимо создание «однородного, гомогенного общества». Нарушение однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. По мнению российского традиционалиста Александра Дугина, между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия. Конечно, если во всех этих формах соблюдается самое главное условие — «соучастие» народа или народов в своей политической судьбе. Противоположность «органическому народу» составляет «разнородная масса».

А. Дугин считает, что «если либеральная демократия настаивает на “правах человека”, то органическая демократия должна настаивать на “правах гражданина”, и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии». При этом понятие «гражданин» трактуется традиционалистами как «член “братства” сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей,

которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места»²².

Теоретики итальянского фашизма, отвергая либеральную демократию, обращались именно к идее «прямой демократии», считая, что прямая демократия способна выразить волю общества с максимальной полнотой. Одновременно целью нового режима признавалось формирование гомогенного общества, в рамках которого будет возможно говорить о единой воле народа. Отвергалась не демократия, а плюралистическая демократия.

Интеллектуалы — сторонники фашизма группировались вокруг созданного Джованни Джентиле Национального фашистского института культуры (позднее переименованного в Национальный институт фашистской культуры). Одновременно в Риме была создана Национальная комиссия по интеллектуальному сотрудничеству, председателем которой стал Д. Джентиле. Задачей комиссии стала разработка планов реформирования итальянского государства в «фашистском стиле», включая изменение государственных структур и общественного строя. К работе комиссии предполагалось привлечь «лучшие интеллектуальные силы Италии»²³. В 1931 г., выступая на II конгрессе Фашистских институтов культуры, Джованни Джентиле подчеркивал: «Это Второй конгресс фашистской интеллигенции. Первый проходил в Болонье почти семь лет назад, в марте 1925 г., и был ярким подтверждением существования новой веры, вдохновляющей итальянскую культуру. Немного позднее появился на свет знаменитый исторический Манифест итальянцев, которые присоединились к этой вере, и это были лучшие представители мысли, литературы и искусства Нового времени. В противовес Манифесту был выдвинут Анти-Манифест, вокруг которого объединились представители той итальянской культуры, которая в Болонье была подвергнута осуждению: вспомните ту язвительность, детскую наивность подозрительных политиканов, жертв традиционных идеологий, воспринятых и исповедуемых как догма; упрямый консерватизм литераторов, философов, образованных людей; раздражение и лень

интеллигенции, не расположенной слушать побуждающий голос павших, которые поверили когда-то в Великую Родину, и живых, которые вместе с ними боролись и хранили верность своим идеалам, готовые защищать их ценой своей жизни... В таких документах читается история, но история, которую Вико назвал идеальной, которая в эти последние годы стала историей старой Италии, которая после войны должна была умереть, а она не хотела умирать и пыталась не по воле единиц, а по законам истории дать последнюю битву — или, по крайней мере, оказать пассивное сопротивление... Сегодня полемика против противников утратила значение, поскольку противников больше нет... Настало время строить. Итальянский народ стал фашистским народом, отступников изгнали с дороги, по которой этот народ свободно шагает и будет шагать дальше, — но только если будет сохранять дисциплину. И дисциплина не может быть только внешней, должна быть дисциплина внутренняя, дисциплина духа и мыслей»²⁴.

Реализуя идеи Д. Джентиле, Национальный фашистский институт культуры ставил целью формирование человека нового, фашистского общества, соответствующего задачам, поставленным перед обществом и государством. Воспитание молодежи в фашистском духе стало важнейшей задачей итальянских интеллектуалов. И в этой связи особую роль стала играть упомянутая Д. Джентиле религиозная сущность фашизма.

Попытка воспитать в молодежи религиозное отношение к фашизму непосредственно связана с идеями «фашистского стиля» и «фашистской мистики». Фашистский стиль — многогранное понятие, охватывающее практически все стороны жизни итальянского общества. Еще в 1925 г., характеризуя основные черты стиля новой эпохи, Б. Муссолини заявил: «Фашистский стиль — это ясность, достоинство, решительность и быстрота»²⁵. Фашистский стиль, по мнению секретаря Национальной фашистской партии Италии Акилле Стараче, должен был характеризовать «интегральную модель жизни современного молодого человека»²⁶.

Одной из важных составных частей «фашистского стиля» стала фашистская мистика. В фашистской мистике на передний

план выступала чистая вера в фашизм, не требующая рационалистического обоснования. Как отмечает современный исследователь истории ГУФ (университетских фашистских групп) Лука Ла Ровере, фашистская мистика во многом выступала как форма деятельности молодых интеллектуалов, стремившихся трансформировать доктрину фашизма в «религиозную концепцию политики»; при этом фашистская мистика должна была стать основой для формирования «нового человека» и «фашистской цивилизации»²⁷.

Фашистские авторы подчеркивали различия между мистикой религиозной и мистикой политической, по их мнению, политическая мистика должна рассматриваться прежде всего как концепция образа жизни, как аскетизм, способствующий тому, что человек отдает все свои силы служению Дуче, Режиму и Государству. Гастоне Сильвано Спинетти подчеркивал, что «секуляристская», т. е. светская, мистика дает человеку надежду на спасение, которое может гарантировать только фашизм. Человек верит в истинность тоталитарной идеологии, а не в трансцендентное божество, и эта вера дает человеку силы к действию. Только такая мистическая вера может стать основой современной политики, писал Г. Спинетти²⁸.

В 1934 г. в Риме состоялся Антиидеалистический конвент, активное участие в работе которого приняли молодые сотрудники Школы фашистской мистики. На конвенте была провозглашена идея необходимости создания «новой культуры», основой которой должна была стать фашистская мистика. При этом мистика провозглашалась главной составляющей фашистской доктрины, фашистским ответом на противостояние идеализма и марксистского материализма, основой нового материализма. Новый материалист — «человек духовный, религиозный, иерархический и героический, и этим он противостоит индивидууму абстрактному, иррелигиозному, стороннику равенства, пацифизма и демократии», — писал М. Ди Пьетро в газете «Roma fascista»²⁹.

С нашей точки зрения, фашистская мистика стала своеобразной формой характерной для тоталитарных режимов «светской религии», центром которой была сакрализация правящего

режима, его идеологии и его вождя. Мощный религиозный фактор — католицизм — не позволил итальянской «фашистской мистике» стать полноценной «светской религией» и получить массовое распространение (подобно тому, как это было в СССР), и итальянский вариант светской религии тоталитарного режима остался одной из форм литературного самовыражения фашистской интеллектуальной элиты, прежде всего из среды университетской молодежи.

В то же время необходимо подчеркнуть, что как в 20-е, так и в 30-е гг. отношение интеллектуалов, в том числе и молодых, к фашистскому режиму было неоднозначным. Не случайно позднее многие расценивали ГУФ как своего рода рассадники вольнодумства и антифашизма. Реальный антифашизм интеллектуалов зародился в недрах фашистского режима и фашистской культуры.

Идеологические споры вокруг взаимоотношений итальянской интеллектуальной элиты и фашизма не завершены до настоящего времени и находят свое отражение в политической борьбе послевоенной Италии. В послевоенные годы в Италии преобладала левая, антифашистская политическая и интеллектуальная традиция, основанная на идеях Сопротивления. Осторожные попытки пересмотра интеллектуальной истории фашистского «двадцатилетия» встречались в штыки даже в 1970-х гг. Однако объективное исследование культурной и интеллектуальной истории фашистской Италии показывает, что феномен «фашистского интеллектуализма» существовал и был намного более сложным и многозначным, чем это представляется в соответствии с укоренившимися традиционными оценками данного явления.

¹ Цит. по: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век. 1914—1991. М., 2004. С. 12.

² *Ле Бон Г.* Психология толп. М., 1998. С. 125—126.

³ *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 430.

⁴ *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 2000. С. 45—46.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ *Московичи С.* Век толп. М., 1998. С. 28.

⁷ *Ле Бон Г.* Указ. соч. С. 135.

⁸ Там же. С. 38.

⁹ *Росселли К.* Либеральный социализм. Рим, 1989. С. 150.

- ¹⁰ Там же. С. 150–151.
- ¹¹ См.: *Gentile E.* Il mito dello Stato Nuovo dall'antigiolittismo al fascismo. Roma; Bari, 1982. P. 148.
- ¹² Ibid. P. 150.
- ¹³ См.: *Gentile E.* Op. cit. P. 152; *Nazzaro G. B.* Futurismo e politica. Napoli, s. a. P. 106–107.
- ¹⁴ L'Impero Italiano // Il Futurismo. 1923. 1 mag. № 8. P. 1.
- ¹⁵ См.: История Италии. М., 1971. Т. 3. С. 444.
- ¹⁶ См.: *Григорьева И. В.* Антонио Грамши и проблемы тоталитаризма // Левые в Европе XX в.: Люди и идеи. М., 2000. С. 198.
- ¹⁷ *Azzali F.* Funzione degli intellettuali // Critica fascista. 1939. 1 apr. P. 177.
- ¹⁸ Archivio storico Fondazione Ugo Spirito (Roma). Fondo G. Bottai. B. 2. Fasc. 8.
- ¹⁹ *Azzali F.* Op. cit. P. 178.
- ²⁰ *Ginelli A.* La cultura nel regime // Gerarchia. 1939. № 9. P. 648.
- ²¹ Цит. по: *Дугин А.* Консервативная революция. М., 1994. С. 289.
- ²² Там же. С. 294–295.
- ²³ L'educazione fascista. 1927. № 1. P. 82.
- ²⁴ Ibid. № 12. P. 1066, 1067, 1069. Перевод полного текста выступления Д. Джентиле на русский язык см.: *Нестерова Т. П.* Политика итальянского фашизма в сфере культуры: По материалам II конгресса Фашистских институтов культуры (1931) // Урал. вестн. междунар. исслед. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 191, 192, 195.
- ²⁵ Dizionario mussoliniano. Bologna, 1994. P. 173.
- ²⁶ *La Rovere L.* Storia dei GUF: Organizzazione, politica e miti della gioventù universitaria fascista 1919–1943. Torino, 2003. P. 220.
- ²⁷ Ibid. P. 321.
- ²⁸ См.: Ibid. P. 37.
- ²⁹ Цит. по: Ibid. P. 322.

К. Ю. Ершов

Американское россиеведение: истоки, этапы развития и современное состояние

История — это мир идей и личностей.

А. Рибер

Постижение России, ее истории, внутренних процессов и внешней политики всегда было сложной проблемой для западных специалистов — россиеведов и советологов, так как существует